

А. С. ЛУБКИН

**Рассуждение о том,
возможно ли нравочению дать твердое
основание независимо от религии**

<фрагмент>

<...>

Совершенно отличным образом от сего рассуждают последователи всем известного знаменитого основателя критической системы Философии. Вместо того, чтоб нравственность основывать на религии, они религию выводят из нравственности или только ее к ней приставляют, и тем самым неприметно и скрытно ослабляют и нравственность, и религию вместе. — «Человек, — говорят, — имеет понятие о нравственном добре и зле: разум его первое одобряет, а последнее оуждает. Следовательно, человек чувствует себя обязываемым со стороны разума, делать добро, а убегать зла. Человек как существо разумное должен следовать предписаниям своего разума: и сие составляет высочайшее его, яко существа нравственного, совершенство или благо. Достижение сего блага зависит от употребления его свободы, от его усилий и ревности. Но человек есть при том существо живущее и чувствующее, и потому имеет нужду в благоощущении своего бытия или в благополучии; но сие зависит от внешних обстоятельств, или от устройства и порядка вещей, в кругу которых он существует. Нравственно-добрый человек достоин благополучия, и оное должно быть его уделом, потому что противно бы было разуму благополучие почитать уделом порочных. Итак, полное благо, или совершенство, природе человека свойственное, ежели он будет при том и нравственно-добрым, состоит в соединении совершенного благополучия с его возможно лучшею нравственностью. — Свет, в котором благо-

получие существ разумных соразмерено бывает с их нравственностью, называется наилучшим. Мы должны верить, что в наилучшем свете обретаемся: ибо удовлетворение одной потребности оно, т. е. достижение человеком нравственного совершенства, зависит от нас, и сил и способностей наших не превышает, напротив составляет цель и естественное направление нашего практического разума; а потому должны полагать, что и в другом отношении, т. е. касательно соразмерения благополучия с добродетелью, он есть также наилучший, потому что без сего практической наш разум сам для себя был бы непонятен. Но чтоб в последнем отношении свет сей был наилучшим, то надобно, чтоб оный состоял под распоряжением нравственного мироправителя, соразмеряющего благополучие с нравственностью существ разумных, или Бога. Следовательно, надобно, чтоб был Бог. Однако же мы видим, что в настоящей жизни ни благополучие не соразмеряется с добродетелью, ни человек не достигает надлежащей степени нравственной доброты. Потому, дабы сие могло случиться, то надобно, чтоб после сей жизни последовала другая, в которой сие совершится, и когда бы добрые люди были награждены, а злые и развращенные достойно наказаны. И потому должно думать и верить, что для сего и другая жизнь будет, т. е. что душа человеческая бессмертна». Вот в кратких словах заключающееся изложение нравственно-религиозной системы ГГ.¹ критикофилософов!

Не говоря о том, что здесь почти на каждом шаге следует отвергать или положение, или следствие, выводимое из оно; и потому не входя в дальнейшее исследование начал и оснований сей системы (для чего, конечно, пределы настоящего времени недостаточны), ограничим себя только некоторыми относительно ее замечаниями.

А. Обязанность к соблюдению нравственного закона здесь производится от одного только различия разумом нравственно-добраго от худого. Но человек не есть существо разумное только, а вместе и ощущающее свое бытие, или, говоря языком сих философов, чувственность имеющее, а потому и по природе своей неравнодушно к удовольствиям и неудовольствиям бытия своего. Побуждения чувственности всегда бывают сильнее и ближе нашему сердцу, нежели побуждения разума. По такому расположению своей природы человек чувствует очень ясно, что благополучие есть цель его бытия, цель его жизненности; и потому легко может почесть, что все то что противно сей цели, противно и самой его природе. Конечно, он не может истребить в себе побуждений нравственного своего чувства, в природу его

впечатленного! Но кто может быть для него порукою, что нравственность есть высшая и важнейшая цель бытия его, и что она не подчинена цели благополучия его жизни, коль скоро в нравственности будет он видеть одну только нравственность, ни с какими видами, ни с какими для него надеждами не сопряженную? И что, ежели он на основании сего составит такое общее правило своим поступкам, чтоб следовать внушениям нравственности, яко слабейшим, только тогда, когда оные не будут противоположены его благополучию, или, по крайней мере, его понятию о своем благополучии? И в сем случае какое он будет иметь, или где такового обрести может побуждение, чтоб пожертвовать своим благосостоянием, самим собою, нравственным правилам своего разума, чтоб променять вечное на идеальное? Ибо по сей системе нравственные побуждения не восходят далее одной только идеальности, мысленного, т. е. сознания нравственного своего совершенства, мысленной себя оценки со стороны нравственной. Но не самый ли его разум будет ему тогда внушать, что лучше ему иногда применяться к обстоятельствам, нежели для сохранения в себе неизменного понятия о нравственном своем достоинстве быть жертвою и игралищем оных? Итак, производить обязанность к нравственному закону из одного только об нем понятия, из одной только способности нашей различать доброе и худое, значит скрытно показывать, что якобы нравственность и добродетель не имеют в самом деле лучших побуждений, значит подрывать самое их основание или делать их упражнением досужных и мечтой энтузиастов. Но сего можно ожидать только от тех, которые объявили себя явными врагами всякой строгой нравственности!

В. Несмотря на полагаемую ими самостоятельность нравственных начал и требование, чтоб добродетель отнюдь ни с чем не была сопряжена, невольно однако же сами признаются, что истинная добродетель была бы чем-то неизъяснимым и противоречивым в человеке, коль скоро не предположим, что сей мир в котором бытие имеем, есть наилучший. Но откуда же выводят они действительность такового мира? ² Из понятия о нравственной природе человека сего еще не следует. И в посредственном, даже недостатков исполненном мире нравственность может иметь свою цель и пользу, умеряя и уравнивая в людях их часто противоположенные между собою желания. Безусловная и даже прямо житейским выгодам противоположенная нравственность, почему и для чего в нас должна быть, сего не доказали, а только что приняли, да и доказать того не в состоянии: поелику добродетель поставили вне всякого отношения к бы-

тию человеческому, поддерживая ее одними только понятиями. Конечно, для каждого добродетельного человека желательно, чтоб он существовал в наилучшем мире: но из одного только такого желания следует ли выводить действительное исполнение оно? Из составленного нами о наилучшем мире понятия следует ли заключать об его действительности? И поелику мы видим из опыта противное сему, то не следует ли паче из того заключать, что такое желание в нас неуместно и что мы сами должны иметь попечение о своем благополучии, т. е. руководствоваться осмотрительностью, не слишком строго следуя нравственным своим правилам, а делая, где нужно окажется, приличные и осторожные из оных заключения? Ибо каждодневный опыт нам показывает, что мы теперь живем еще не в наилучшем мире: а потому благоразумие требует применять свои правила и свои поступки к положению оно, а не вопреки сему идти и требовать, чтоб для нас или для наших об нравственности понятий существующий порядок природы переменился. Итак, к сожалению, в системе критической философии главная подпора нравственности, наилучший мир, остается только требованием, только желанием, только понятием, но действительность которого ни откуда не явствует, да и явствовать по сей системе ни откуда не может. Что же после сего будет с бедною нашею нравственностью? Почти подумать можно, что защитники сей системы, подкрепляя нравственность идеальными только подпорами, имели в виду и место ей предоставить в мире только идеальном, в людях не действительных, а только философически-воображаемых.

С. Посмотрим, как они из нравственности выводят религию!

«Дабы, — говорят, — добродетель не была сама для себя загадкою в человеке, то надобно, чтоб сей мир был наилучший: а для того мы и должны думать, что он есть наилучший. Но для сего надобно, чтоб он состоял под управлением верховного нравственного существа, власть имеющего над природою и ее происшествиями, и могущего потому добродетель соединить с благополучием, и их между собою соразмерить. Следовательно, есть такое существо, как Бог».

Трудно решить, возможно ли придумать слабейший довод для уверения себя о бытии Божиим, нежели сей, так называемый нравственный, изобретением которого толико величаются ГГ. критические философы. Ибо здесь уверение о бытии Божиим основывается на одном только понятии наилучшего мира, действительность которого только предположена, а не доказана, и потому остается еще вопросом, или положением, которое

мы ни утверждать, ни отрицать прямо еще не можем. Как же можно заключать, что есть Бог, когда и о действительности наилучшего мира мы еще ни чего наверное не знаем? — не можно ли счесть сие тайным намеком со стороны ГГ. критико-философов, что мы ничего якобы лучшего не имеем для уверения себя о бытии Божиим? * Для чего при том надобно, чтоб сей мир был наилучшим? Для того, говорят, чтоб добродетель могла быть достойно награждена. Так неужели по сему и Бог потому только бытие иметь должен, чтобы было кому наградить добродетель? Итак, и Бог, и наилучший мир по сей системе существуют не самосостоятельно, но только как средства, только для того, дабы добродетельные могли быть награждены, для того, дабы добродетель не была некой загадкой и дабы требования так называемого практического разума не были явно неосновательными! Или, другими словами, чтобы добродетель не была пустой мечтой, то надобно, что бы был Бог, хотя мы о том по началам своего теоретического разума ничего ведать не можем! И вот какое имеет основание нравственная религия, критикофилософами изобретенная! Вот в чем заключается ее содержание!

Но чего другого могли бы мы ожидать от потаенного безбожника, отвергающего в сердце своем и бытие Бога, и бытие закона, но не хотящего явно таковым себя обнаруживать?

Д. Бессмертие души человеческой не лучшим также образом доказывается сими философами, как и бытие Божие.

«Человек, — говорят, — здесь еще не достигает полного нравственного совершенства, для него возможного, и умом его ему изображаемого. Но надобно, чтоб он такового достигнул; следовательно, надобно, чтоб он продолжал бытие свое и по смерти, дабы мог иметь к тому время. Потому должно верить, что душа человеческая бессмертна».

Но если мы кроме сего не будем убеждены в бессмертии нашей души, то в таком случае требование нравственного закона о непрременном достижении нами полного нравственного совершенства, к которому мы способны, не будет ли мнимым, или о действительности которого весьма еще сомневаться надлежит.

* И действительно, Кант в своих «Антиномиях чистого разума» ничего не щадил, дабы как можно более запутать все обыкновенные доводы о бытии Божиим и тем лишить их надлежащей силы к убеждению. Но в замену их что он представил? Не более, как только сей нравственный довод для вида или якобы довод, которому всякое, какое кому угодно, толкование дать можно.

Ибо без предварительного уверения в бессмертии души человеческой исчезает всякое понятие нравственного закона, всякое понятие долженствования, потому что смерть полагает в таком случае предел всякой нашей зависимости, всякой обязанности и поставляет человека вне всякого закона.

Но здесь уверение сие выводится из одного только понятия долженствования!! И как еще можно заключать основательнее, или, лучше сказать, как можно заключать еще смелее сего?

Далее: «Страждущие за добродетель не получают в сей жизни достойной награды; посему надобно верить, что имеет последовать будущая жизнь, в которой сие учинится».

Но, кажется, надлежит наперед доказать, что человек так обязан или должен быть верен добродетели, что даже и страданиям за нее подвергаться должен; но не предположив бессмертия нашей души, доказать сего отнюдь невозможно. А потому и сей довод отнюдь ни какой силы к уверению в себе не заключает и есть не более как только довод для виду!

Е. Вообще по системе критических философов религия, как только внешнее и притом постороннее пособие нравственности человеческой, ничего более почти в себе не заключает, как только следующее внушение: «Если ты непременно хочешь быть верен добродетели, о коей умом своим составил ты себе понятие; если при том не ощущаешь к сему в себе довольно сил, без внешних подкреплений, то в утешение и ободрение себе можешь и должен верить или думать, что есть Бог, которой наградит некогда твою добродетель, если не в сей жизни, то в будущей, хотя ни то, ни другое из умозрительных начал разума доказано быть не может».

И если по сей системе даже расположенные к добродетели ничего не имеют, на что бы смело могли опереться, то что можно думать о предающихся порочности, о поработанных своими страстями? Добродетели они не любят, предписания нравственного закона презирают: таковые не могут, подобно добродетельным, желать, чтобы был Бог, наказующий их злодеяния, чтобы души их продолжали жить и после телесной их смерти, дабы воспринять достойное себе возмездие? Как же можно по сей системе внушить им религию, когда они нравственности никакой не имеют? Как можно внушить им нравственность, когда они ее отвергают, когда ее презирают и ставят за мечту? Когда, заключая бытие свое только в здешней жизни, считают нравственность и добродетель для себя не нужными, а только иногда по обстоятельствам полезными? Что в том, что они не

будут иметь высокого мнения о нравственном своем достоинстве? * Они о сем не заботятся; они хотят только жить и прожить свое время и по своему сколько им удастся счастливо! Критические основания нравоучения таких не пробудят, а только еще более успокоят в их сне и беспечности, поелику ни одна умозрительная истинна не будет им светить во тьме практического их разума!

Итак, справедливо, что славному Канту, основателю сей системы, придано название *всеразрушающего*³ не потому, что он все якобы разрушил, ибо разум человеческий, несмотря на все тонко-отвлеченные критические умствования, остается еще в целости; но потому, что все разрушать хотел, сам ничего не созидая; или и созидал, но здания его служат только для виду и, может быть, воздвигнуты только для того, чтобы не казалось пустого места и чтобы не навлечь на себя за то, яко всеразрушителя, всеобщего от всех, в таинства его не посвященных, ропота и негодования.

Заклучим же после сего, что если религия не будет иметь своей самостоятельности в уме нашем независимо от нравоучения, то в таком случае будет она не более как бедным, в воображении только приисканным утешением, другом добродетели, не более как благомысленною добродушных или простодушных людей мечтою, которую рассеять никакого не будет стоить труда тому, который, поправши свою совесть, освободил себя от тягостного признания над собою нравственного закона. Заклучим также, что если нравоучение будет совершенно отделено от религии, если не будет ее следствием, то лишится тогда всякой силы, себе приличной, и нравственность и добродетель будет делом, совершенно произволу человеческому предоставленным: ибо нравственный закон потеряет тогда характер закона, т. е. внешнюю обязательность к соблюдению себя, коль скоро будет почитаем только формою практического разума, а не законом и волею верховного виновника природы.

Твердая и непоколебимая от соблазнов нравственность тогда только в человеке место иметь может, когда он уверен бывает в ее для себя необходимости, когда необходимость сию живо ощущает. Но религия только одна может показать человеку та-

* В системе критической философии единственное чистое побуждение к добродетели составляет внутреннее сознание, что человек следует закону разума и потому имеет нравственную цену, или нравственное достоинство.

кую необходимость; уверение только о бытии Божиим, о блаженной и нескончаемой цели своего бытия, цели, которой только посредством добродетели можно достигнуть!

Заклучим наконец, что кто отделяет нравственность от религии или кто религию производит из одной нравственности, тот явно или тайно, умышленно или неумышленно, но делает подрыв и нравственности, и религии, строит пагубные ковы против человеческого общежития, против самого человечества!

